

Р. Р. Юсупов, А. Ф. Зиннурова

Традиции декоративно-прикладного искусства в Казанской губернии (XVI–XX вв.)

В статье рассматриваются вопросы развития татарского и русского декоративно-прикладного искусства в Казанской губернии в дореволюционный период. Освещена специфика двух национальных направлений искусства, различия и причины особенностей. Исследуются предпосылки профессиональной подготовки мастеров народных промыслов и доказывается, что декоративно-прикладное творчество и народные промыслы находятся ближе всего к академическому изобразительному искусству. Приводятся убедительные свидетельства того, что художественное образование процессом овладения профессиональными навыками и эстетикой в том или ином виде искусства, которое первоначально осуществлялось в Москве и Санкт-Петербурге, приобрело свою особую значимость с открытием подобных учебных заведений в самой Казанской губернии и способствовало взаимообогащению и взаимопроникновению татарского и русского декоративно-прикладного искусства.

Ключевые слова: декоративно-прикладное искусство, народные промыслы, традиции, подготовка мастеров, Казанская губерния, взаимообогащение культур

Rivkat R. Yusupov, Alfiya F. Zinnurova

Traditions of decorative and applied arts in the Kazan province (XVI–XX centuries)

The article considers issues of development of Tatar and Russian decorative and applied arts in the Kazan province in the pre-revolutionary period. The specificity of the two national art trends, the differences and the reasons for the peculiarities are highlighted. The prerequisites for the professional training of craftsmen are investigated. It is proved that arts and folk crafts are closest to the academic fine arts. Convincing evidence is given that art education by the process of mastering professional skills and aesthetics in a particular form of art, which was originally carried out in Moscow and St. Petersburg acquired its special significance with the opening of such educational institutions in the Kazan province itself and contributed to the mutual enrichment and interpenetration of Tatar and Russian arts and crafts.

Keywords: decorative and applied arts, folk crafts, traditions, training of craftsmen, Kazan province, mutual enrichment of cultures
DOI 10.30725/2619-0303-2020-4-168-172

Завоевание Казанского ханства в 1552 г. царем Иваном Грозным прервало на многие столетия развитие государственности казанских татар, их социально-экономическую, политическую и духовно-культурную самостоятельность. Физическое истребление непокорных, массовое переселение из Казани и прибрежных зон, разрушения мечетей с их учебными заведениями, насильственная христианизация, русификация феодальной элиты, запреты на ряд ремесел пагубно сказались на развитии татарского народа. К концу XVIII в. 99% татар вынуждены были проживать в сельской местности. По сути дела, «политика царского правительства уничтожила городскую татарскую цивилизацию, превратив ее в деревенскую культуру» [1, с. 238; 2, с. 343].

Со второй половины XVI в. искусство татар, как считают искусствоведы, могло развиваться лишь в форме народного творчества поскольку городские ремесленные центры были разрушены, перестал существовать заказчик в лице господствующего класса. Исчезают архитектура, градостроительство, металлургическое дело и оружейное искусство, угасает болгаро-татарская керамика, каллиграфия, миниатюра, резьба по камню, ворсовое ковровде-

лие [3, с. 43]. Более жизнеспособными оставались индивидуальные виды декоративно-прикладного искусства – ювелирное дело, кожаная мозаика, народный костюм, резьба по дереву. Но и в этой сфере происходили определенные изменения. Ранее одна группа изделий изготавливались на средства заказчиков, располагавших в своих владениях собственными мастерами, а вторая группа шла на рынок. Работой хороших ювелиров-художников дорожили, они имели свои школы.

Постепенно ювелирное творчество становится делом узкого круга мастеров, работавших под заказ. Ювелиры оставались в Татарской Слободе Казани и некоторых селах Заказанья, сохраняя традиции предыдущих эпох в выборе материалов (медь, бронза, серебро, золото, драгоценные камни) и технологий. Украшения изготавливались при помощи литья, штамповки, тиснения, способом чеканки, гравировки, насечки наносили цветочный и каллиграфический орнамент. По-прежнему славилась татарская уникальная бугорчатая скань. Более индивидуализировалась и подготовка новых мастеров, которая осуществлялась в узком семейном кругу, передавая навыки и технологии по

наследству [4, с. 134; 5, с. 26]. Ювелирные изделия казанских татар широко известны благодаря богатейшим коллекциям Российского этнографического музея (РЭМ, Санкт-Петербург), Объединенного государственного музея Республики Татарстан, известных музеев Москвы и других городов России, зарубежных стран и представляют уникальный феномен мировой художественной культуры.

Особым жанром изобразительного искусства татар, как и всей восточной исламской культуры, оставались шамаили – живописно-графические произведения, в которых начертаны выдержки из Корана. Первостепенным и особым значением шамаила были его каллиграфия и выразительность. Стилизованные растительные орнаменты сближали их с «цветочным» стилем ювелирного искусства и национальной вышивки. Выделяя шамаили как особый тип живописи и графики, известный искусствовед С. М. Червоная указывала, что четких границ у этого искусства не существовало [1, с. 271]. Следует отметить, что каллиграфия казанских татар как особый вид декоративно-прикладного искусства была широко известна и распространена еще с булгарских времен, входя в программы средних и высших учебных заведений при мечетях (мектебов и медресе). Все это было бы невозможным без распространения просвещения и уровня образования, пусть и в религиозном формате.

Тягу татарского народа к образованию отмечали многие путешественники. Профессор И. Г. Георги, побывавший в 1773 г. в Казани, писал: «Казанские татары не только приучают детей к прилежанию, но и пекутся еще и о научении их к чтению, письму». Об этой отличительной черте упоминал в начале XX в. и русский миссионер Я. Д. Коблов, замечая, что «в России трудно указать народность, среди которой была бы так широко распространена грамотность, как у Казанских татар» [6, с. 249–250].

Заметное смягчение национально-религиозной политики в отношении татар наметилось после посещения Казани в 1767 г. императрицей Екатериной II. Согласно ее Указов, разрешалось в определенных рамках самоуправление мусульманской общины в религиозной и торгово-промышленных областях. К концу XVIII в. были зарегистрированы около 200 предприятий татарских купцов – Юнусовых, Акчуриных, Азимовых, Апанаевых и др. [6, с. 242]. Именно представители купеческих династий с разрешения властей открывали новые мечети. В 1766 г. была построена Юнусовская мечеть, в 1768–1769 гг. – Апанаевская. В строительстве мечетей и светских заведений участвовали не только татарские мастера, но и русские, что знаменовало оживление архитектурно-творческой деятельности и придавало импульс к сближению татарской и русской культуры. Именно в монументально-декоративном искусстве, как заключает искусствовед

Р. Р. Султанова, в большей степени происходит взаимодействие этно-национальных и инонациональных традиций [7, с. 144].

В XIX в. проявляется интерес татар к светскому образованию, и искусству. Одним из значимых примеров новых веяний в татарском обществе может служить личность замечательного педагога и художника М. А. Махмудова. Владея несколькими восточными языками, искусством каллиграфии, мастерством кожной мозаики и резьбы по дереву он в течение 13 лет до 1855 г. преподавал каллиграфию на Восточном факультете Императорского Казанского университета.

Новому уровню татарской элиты способствовали бурное капиталистическое развитие пореформенной России во второй половине XIX столетия, формирование татарской национальной буржуазии и интеллигенции, возникновение реформаторского философско-религиозного течения джадидизма, выступавшего против схоластики, религиозной косности, за изучение светских наук. Одним из центров этого течения становится своеобразный университет-медресе Мухаммадия, из стен которого вышли будущие татарские деятели образования и культуры. Формирующаяся торгово-промышленная татарская элита нуждалась в квалифицированных кадрах, обладавших светскими знаниями, языками, знакомством с русской и мировой культурой. Этот процесс не обошел стороной и декоративно-прикладное искусство. Оно испытывало в России, как и во многих странах Европы, определенную двойственность: с одной стороны унифицируется продукция ремесленников, кустарных промыслов, нарастает фабричная продукция, с другой – появляется востребованность в специальном образовании декоративно-прикладного профиля. К открывшемуся в 1825 г. в Москве Строгановскому художественно-прикладному училищу добавляется в Петербурге в 1879 г. Училище технического рисования барона Штиглица. Наряду с Петербургской Академией художеств воспитанниками этих учебных заведений становятся первые татарские профессиональные художники и специалисты декоративно-прикладного творчества – Ш. А. Тагиров (в 1883 г. окончил Петербургскую Академию художеств), позднее – Х. Баданинский и М. Байкиев (выпускники Училища барона Штиглица), Х. Акчурина (выпускница Строгановского училища) [1, с. 287].

Если считать художественное образование процессом овладения профессиональными навыками и эстетикой в том или ином виде искусства, то необходимо признать, что декоративно-прикладное творчество и народные промыслы находятся ближе всего к академическому изобразительному искусству. По оценке замечательного исследователя различных жанров искусства К. Э. Разлогова, «народные промыслы составляют неотъемлемую часть художественной культуры, а их развитие

является фактором преемственности в рамках художественного процесса. Поэтому это важнейшая промежуточная форма взаимодействия профессионального и народного искусства» [8, с. 177].

Необходимо обратить внимание на то, что с середины XIX в. промысел в Казанской губернии становится массовым явлением. В 70-е гг. им занимались 44% русских и 27% татарских ремесленников [9, с. 98]. Известными центрами русских и татарских народных промыслов и декоративно-прикладного творчества в Казанской губернии являлись с. Чебаксы (художественнаяковка), с. Пестрецы (керамика), с. Нырты (кружевоплетение), с. Рыбная Слобода (ювелирное дело) и Татарская Слобода в Казани (ювелирное творчество). Именно в этих центрах в конце XIX – начале XX в. открываются начальные профессиональные художественно-ремесленные школы.

Чебакса – большое русское село вблизи Казани стало центром кузнечного дела ввиду запрета татарам заниматься обработкой металла. Во второй половине XIX в. в Казанском уезде насчитывалось 654 кузницы, в самих же Чебаксах в 1890 г. кузнечным ремеслом занимались около 450 мастеров, изделия которых с успехом регулярно экспонировались на Международных и всероссийских выставках. Выделялись целые династии художников-кузнецов, передававших навыки из поколения в поколение – Новожиловы, Масловы, Гребенщиковы. Именно по инициативе последних с 1890 г. началась подготовка к открытию художественно-ремесленной школы, куда впоследствии приезжали учиться со всей России. В 1893 г. возник годичный бесплатный ремесленный класс с обучением рисования, полностью же школа была открыта 22 октября 1911 г. после оформления устава и учебных планов. Заведовал школой опытный педагог-металлист А. И. Павлов, а специальные предметы преподавал В. П. Зефилов, выпускник Училища барона Штиглица, герой Цусимы и участник революционных событий 1905–1907 гг. [1, с. 234; 10, с. 59].

В отношении керамики и гончарного искусства, которым на протяжении веков славились мастера болгаро-татарских времен, следует также отметить, что это ремесло перешло в основном к русским ремесленникам в результате выселения татар из прибрежных зон, в которых находились запасы гончарной глины. Исследователи поныне оценивают этот вид творчества в Волжской Булгарии как вершину средневекового керамического искусства [11, с. 4]. Залежи лучшей специальной глины находились в прибрежном районе современных Пестрецов, которые и стали центром русского гончарного промысла. В середине XIX в. здесь прослеживаются около 70 гончарных мастерских. В 1890 г. при подготовке к Всероссийской научно-промышленной выставке были выделены средства для развития пестречинской керамики, а позднее в 1906 г. Казанская губернская земская управа ходатайствует об открытии

учебно-ремесленной мастерской в селе. Благодаря помощи Училища барона Штиглица и инициативе его выпускника А. И. Ильинского, в 1911 г. состоялось открытие Земской художественной ремесленной школы, в которой Ильинский вместе со своей женой Е. В. Ильинской преподавали рисование, лепку, технологию и росписи. Есть предположение, что определенной вклад внесли и преподаватели Казанской художественной школы [10, с. 96–98; 12; 13, с. 21–22].

Для русских народных промыслов было характерно и кружевоплетение. В 1833 г. известная исследовательница русского кружева С. А. Давыдова образовала Мариинскую практическую школу для кружевниц с двумя годами обучения, стипендиями, общежитием и питанием для учениц. К 1913 г. в России функционировали уже 60 школ. В Казанской губернии центрами кружевоплетения являлись с. Нырты Мамадышского уезда и с. Рыбная Слобода Лаишевского уезда. В с. Нырты работали около 280 мастериц, поэтому в 1900 г. здесь открылась земская школа кружевниц, в которой велись занятия по рисунку и технологиям. В Рыбной Слободе трудились около 400 кружевниц, организатором и художественным руководителем местного промысла стала местная помещица Н. Г. Донаурова. В открытой здесь в 1909 г. Рыбно-Слободской художественно-ремесленной школе действовало отделение кружевоплетения [14; 10, с. 39–40]. Село Рыбная Слобода все же более славилось с середины XVII в. своими мастерами ювелирного дела. При этом русские мастера приобретали опыт с помощью татарских ювелиров, обучавших технике филигрании и черни, в том числе в упомянутой учебно-ремесленной мастерской. Большинство из 15 преподавателей были выпускниками Строгановского художественно-прикладного училища, в том числе и заведующий школы – художник прикладного искусства А. К. Триандафиллидис. Срок обучения составлял 3 года, оно было бесплатным. Ученики возрастом 14–16 лет обучались рисованию, лепке, черчению, технологиям [10, с. 82].

Основным центром татарского ювелирного искусства оставались Новотатарская Слобода Казани и ряд сел Заказанья. Ювелирное искусство татарских мастеров, как уже упоминалось, было более индивидуальными и эксклюзивным, так как изготавливали изделия под заказ, сохраняя традиции и материалы еще болгарских времен и Казанского ханства. Высокого расцвета ювелирное искусство здесь достигается в XIX в., когда происходят и определенные стилевые изменения, привносятся некоторые элементы русского классицизма.

Наряду с появлением первых профессиональных художественно-ремесленных школ и формированием начального художественного образования к концу XIX в. сложились все условия для создания

полноценного учебного заведения профессионального искусства в Казани. По справедливому замечанию проф. Г. Ф. Валеевой-Сулеймановой, «бурное развитие промышленного капитализма... подвело к необходимости обучения профессиональных специалистов и мастеров городской культуре, к новой европейской эстетике» [15, с. 212, 464]. В Казани к этому времени уже сложилась плеяда молодых выпускников Петербургской Академии художеств – Н. Н. Белькович, Х. Н. Скорняков, Г. А. Медведев, И. А. Денисов, Ю. И. Тиссен и др. Власти города и Академия художеств совместно смогли выделить средства на наем временного помещения и строительство здания для школы, оплату педагогов и стипендии для учеников. Казанская художественная школа (ныне Художественное училище им. Н. И. Фешина) была открыта 9 сентября 1895 г., куда было принято 109 учеников (41 стипендиат и 68 вольнослушателей). В первый набор попали Н. И. Фешин и П. П. Бельков, впоследствии окончившие Петербургскую Академию художеств. Именно они стали ведущими педагогами учебного заведения, сыграли значительную роль в его развитии и оставили выдающийся след в мировом изобразительном искусстве. Первоначально в школе действовало только отделение живописи, но чуть позже по инициативе известного петербургского гравера В. В. Матэ открылось граверное отделение, которое возглавил Ю. И. Тиссен. В школу принимали учеников обоего пола старше 12 лет невзирая на сословие и вероисповедание. Заведовал школой первые три года Н. Н. Белькович. Он и Н. И. Фешин оставили свой след не только в живописи, но и в декоративно-прикладном искусстве и образовании. Кроме специального художественного образования, школа давала и шестилетнее общее образование [16, с. 7–13; 17, с. 107–108].

Формирование в Казани профессионального художественного образования не могло пройти незамеченным в глазах молодой татарской творческой интеллигенции. В 1906 г. великий татарский поэт Габдулла Тукай в статье «Национальные чувства» писал: «Наша нация нуждается в настоящих писателях, художниках... Схватившись за полу русской молодежи, нам необходимо поступать в те учебные заведения, где она обучается». Ему вторил другой известный писатель Г. Ибрагимов в статье «Изобразительное искусство»: «Мы накануне возникновения музыкального и изобразительного искусства. Уже близок день, когда родятся и эти виды искусства» [1, с. 285–286].

Если до этого дореволюционное изобразительное искусство татар развивалось в рамках декоративно-прикладной формы, а русское – преимущественно по пути станковизма – живописи, графики, скульптуры, то со временем обе культуры начинали сближаться, нередко вступая во взаи-

модействие [18, с. 9]. Действительно, появились первые ласточки из среды творческой молодежи, стремившиеся получить художественно-образовательное образование, среди них – Н. Вахитов, Д. Г. Булат, Б. И. Урманче и др. Именно Баки Урманче (1897–1991), один из основоположников татарского изобразительного искусства, внес заметный вклад в развитие декоративно-прикладного творчества и образования. Сын известного имама, он в 1907 г. стал учеником медресе Мухаммадия, где в совершенстве овладел искусством каллиграфии. В 1913 г. вместе со своим другом А. Богдановым они попробовали поступить в Казанскую художественную школу, но не смогли сдать экзамен «Закон Божий». Лишь после 1917 г. Урманче смог осуществить свою мечту, стал художником с мировым именем [19, с. 13].

Рассматривая проблему развития декоративно-прикладного искусства Татарстана в дореволюционный период и формирования художественного образования, следует подчеркнуть, что долгое время татарское и русское национальные искусства развивались параллельно, имели специфические жанры и виды. Лишь с течением столетий они в XIX в. начинают вступать во взаимодействие, передавая друг другу свои традиции, обогащая художественную культуру своих народов. Определенным фактором этого процесса стало формирование художественного образования на этих землях.

Список литературы

1. Червоная С. М. Искусство Татарии: история изобразит. искусства и архитектуры с древнейших времен до 1917 г. Москва: Искусство, 1987. 383 с.
2. Аблязов К. А. Историческая судьба татар от племени к нации. Саратов: Науч. кн., 2012. Т. 1. 416 с.
3. Валеева-Сулейманова Г. Ф. Народное декоративно-прикладное искусство татар: основные этапы развития // Валеева-Сулейманова Г. Ф., Хайбрахманова С. К., Шагеева Р. Г. Татдеко: от старин. технологий к современ. дизайну. Санкт-Петербург: Славия; Казань: Туран Арт, 2012. С. 41–54.
4. Крамаровский М. Г. Золото Чингисидов: джучидская сокровищница // Сокровища Золотой Орды: кат. выст. Санкт-Петербург: Славия, 2000. С. 132–208.
5. Наследие веков: из собр. Гос. музея Респ. Татарстан. Казань: Заман, 2000. 159 с.
6. Тагиров Э. Р. Татары в оптике большой истории человечества: миротвор. аспект. Казань: Татар. кн. изд-во, 2019. 327 с.
7. Султанова Р. Р. Искусство новых городов Татарстана: 1960 – 1990-е годы: живопись, графика, монумент.-декоратив. искусство, скульптура. Казань, 2001. 194 с.
8. Разлогов К. Э. Кинопроцесс XX – начала XXI века: искусство экрана в социодинамике культуры: теория и практика: учеб. пособие по образоват. программам в области аудиовиз. культуры / Всерос. гос. ин-т кинематографии им. С. А. Герасимова. Москва: Трикста; Акад. проект, 2016. 640 с.

9. Халиков Н. А. Промыслы и ремесла татар Поволжья и Урала (середина XIX – начало XX в.) / Ин-т истории Акад. наук Респ. Татарстан. Казань: Мастер Лайн, 1998. 100 с.

10. Менгден (Тимофеева) Е. Н. История художественных ремесел Татарстана: вторая половина XIX – начало XXI вв.: дис. ... канд. ист. наук: 24.00.01 / Казан. гос. ун-т культуры и искусств. Казань, 2018. 194 с. + Прил. (110 с.: ил.).

11. Керамика: работы Б. А. Шубина: альбом / фотогр. М. Л. Блатта; вступ. ст. Т. А. Хлебниковой. Казань: Татар. кн. изд-во, 1972. 5 с., 17 л. ил.

12. Махинин А. Ю. История создания гончарной художественно-ремесленной учебной мастерской в селе Пестрецы Казанской губернии // Татьяна день: сб. ст. и материалов III республик. науч.-практ. конф. «Литературоведение и эстетика в XXI веке» («Татьянин день»), посвящ. памяти Т. А. Геллер и 40-летию кружка «Эстетика» (23–25 янв. 2006 г., Казань). Казань: РИЦ «Школа», 2006. Вып. 3. С. 184–187.

13. Воробьев Н. И., Бусыгин Е. П. Художественные промыслы Татарии в прошлом и настоящем: докл., заслуш. на расшир. заседании Учен. совета музея. Март 1957 г / Гос. музей Татар. АССР. Казань: Б. и., 1957. 42 с.

14. Сохранение и развитие народных художественных промыслов в едином культурно-образовательном пространстве: материалы Всерос. науч.-практ. конф., 24–25 нояб. 2013 г. Казань, 2013. С. 78–79.

15. Татары / Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Ин-т истории АН Респ. Татарстан; отв. ред.: Р. К. Уразманова, С. В. Чешко. М.: Наука, 2001. 583 с.

16. Казанское художественное училище: 120 лет: альбом / вступ. слово Р. Н. Минниханов; авт. текста: О. А. Гильмутдинова, Р. М. Мусабинова. Казань: Идел-Пресс, 2015. 205 с.

17. Комарова Г. Н. Казанская художественная школа: традиции и современность // Тюрко-славянский диалог культур и цивилизаций: история и современность: материалы Междунар. науч. конгресса, посвящ. 40-летию Казан. гос. ун-та культуры и искусств, 9–10 нояб. 2009 г. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та культуры и искусств, 2009. Ч. 1. С. 107–110.

18. Файнберг А. Б. Художники Татарии. Л.: Художник РСФСР, 1983. 232 с.: ил.

19. Монасыпов Ш. Х. Портреты выдающихся деятелей искусств Татарстана (в духовно-научном освещении) / М-во культуры Респ. Татарстан, Казан. гос. консерватория (акад.) им. Н. Г. Жиганова. Казань: Казан. гос. консерватория, 2014. 319 с.

References

1. Chervonnaya S. M. Art of Tataria: the history of fine art and architecture from ancient times to 1917. M.: Iskusstvo, 1987. 383 (in Russ.).

2. Ablyazov K. A. Historical fate of the Tatars from tribe to nation. Saratov: Nauch. kn., 2012. 1, 416 (in Russ.).

3. Valeeva-Suleimanova G. F. Folk arts and crafts of the Tatars: the main stages of development. *Valeeva-Suleimanova G. F., Khaybra-khmanova S. K., Shageeva R. G. Tatdeko: from ancient technologies to modern design.* SPb.: Slavia; Kазan: Turan Art, 2012. 41–54 (in Russ.).

4. Kramarovskiy M. G. Gold of the Chinggisis: the Juchid treasury. *Treasures of the Golden Horde*: cat. exhib. SPb.: Slavia, 2000. 132–208 (in Russ.).

5. The legacy of centuries: from the coll. State Museum of the Rep. of Tatarstan. Kазan: Zaman, 2000. 159 (in Russ.).

6. Tagirov E. R. Tatars in the optics of the great history of mankind: peacemaking aspect. Kазan: Tatar Book Publ. House, 2019. 327 (in Russ.).

7. Sultanova R. R. Art of the new cities of Tatarstan: 1960–1990s: painting, graphics, monumental and decorative art, sculpture. Kазan, 2001. 194 (in Russ.).

8. Razlogov K. E. Film process XX – early XXI centuries: the art of the screen in the sociodynamics of culture: theory and practice: a textbook on educational programs in the field of audiovisual culture. M.: Tricksta; Acad. project, 2016. 640 (in Russ.).

9. Khalikov N. A. Trades and crafts of the Tatars of the Volga region and the Urals (mid-19th – early 20th century) / Inst. of History of the Acad. of Sciences of the Rep. of Tatarstan. Kазan: Master Lyne, 1998. 100 (in Russ.).

10. Mengden (Timofeeva) E. N. History of art crafts of Tatarstan: the second half of the XIX – early XXI centuries: dis. on competition of sci. degree PhD in history: 24.00.01 / Kазan State Univ. of Culture and Arts. Kазan, 2018. 194 + App. (110: ill.) (in Russ.).

11. Blatt M. L. (phot.); Khlebnikova T. A. (introd.). Ceramics: works of B. A. Shubin: album. Kазan: Tatar book publ. house, 1972. 5, 17 ill. (in Russ.).

12. Makhinin A. Yu. The history of the creation of a pottery art and craft training workshop in the village of Pestretsy, Kазan province. *Tatiana's Day: a coll. of art. and materials of the III Rep. sci. and practical conf. «Literary criticism and aesthetics in the XXI century» («Tatiana's Day»), dedicated to the memory T. A. Geller and the 40th anniversary of the circle «Aesthetics» (Jan. 23–25. 2006, Kазan).* Kазan: RIC «School», 2006, 184–187 (in Russ.).

13. Vorobiev N. I., Busygin E. P. Artistic crafts of Tataria in the past and the present: a report heard at an extended meeting of the Sci. Council of the Museum. Mar. 1957 / State Museum of the Tatar ASSR. Kазan, 1957. 42 (in Russ.).

14. Preservation and development of folk arts and crafts in a single cultural and educational space: materials of the All-Russ. sci. and practical conf., Nov. 24–25. 2013. Kазan, 2013. 78–79 (in Russ.).

15. Urazmanova R. K. (ed.), Cheshko S. V. (ed.). Tatars / N. N. Mikluho-Maclay's Inst. of Ethnology and Anthropology RAS, Inst. of History of the Acad. of Sciences of the Rep. Tatarstan. M.: Nauka, 2001. 583 (in Russ.).

16. Gilmudinova O. A., Musabirova R. M.; Minnikhanov R. N. (introd.). Kазan Art School: 120 years: album. Kазan: Idel-Press, 2015. 205 (in Russ.).

17. Komarova G. N. Kазan art school: traditions and modernity. *Türko-Slavic dialogue of cultures and civilizations: history and modernity*: materials of the Intern. sci. congress, dedicated to the 40th anniversary of Kазan State Univ. of Culture and Arts, Nov. 9–10. 2009. Kазan: Publ. house. of Kазan State Univ. of Culture and Arts, 2009. 1, 107–110 (in Russ.).

18. Fainberg A. B. Artists of Tatarstan. Leningrad: Khudozhnik RSFSR, 1983. 232: ill. (in Russ.).

19. Monasypov Sh. Kh. Portraits of outstanding artists of Tatarstan (in spiritual and scientific coverage). Kазan: Kазan State Conservatory, 2014. 319 (in Russ.).